

ТАТЬЯНА ШИШОВА

МАТЬ ПРОБУЖДАЕТ СОВЕСТЬ

Молодые женщины, выходящие погулять с малышом на площадку, нередко рассказывают, что многие современные мамы не делают своим детям замечания, даже когда те откровенно безобразничают: хватают чужие игрушки, дразнятся, дерутся.

“Пусть учатся сами между собой разбираться”, – говорят они тем, кто выражает удивление такой политикой невмешательства.

А некоторые вмешиваются, но так, что лучше бы они этого не делали. Как тигрицы, кидаясь на защиту безобразников, они тем самым, естественно, им потакают. Да еще и подводят под свое потакание идейную базу: дескать, любящие родители должны всегда быть на стороне своего ребенка! Кто его защитит, если не я? Кому, кроме меня, он нужен в этом жестоком мире?

Если такие установки сохраняются и дальше, ребенок окончательно распоясывается, психика его расшатывается, и заканчивается это плачевно: постановкой на учет в детскую комнату милиции, судимостью (часто не одной!), депрессиями, алкоголизмом, наркоманией – короче, тяжелой, исковерканной судьбой. Совершенно ясно, что такой перспективы для своих детей не хочет ни один родитель. Если, конечно, он в здравом уме и твердой памяти. Поэтому среди убежденных, принципиальных “потакальщиков” (которых, кстати сказать, немного, хотя пропаганда “свободного” воспитания идет уже не первый и даже не десятый год) преобладают люди, мягко говоря, своеобразные. Им самим чаще всего требуется как минимум психологическая помощь.

Гораздо больше сейчас тех, кто вроде бы детей воспитывает, но дальше формирования социально-бытовых навыков и приучения к элементарной дисциплине (убрать игрушки, приготовить уроки) дело зачастую не идет. Воспитание же нравственных качеств, во-первых, происходит “по остаточному принципу”: если хватает времени, которое обычно в дефиците. А во-вторых, при нынешнем “плюрализме мнений”, а точнее – неразберихе в области ценностей, у многих взрослых весьма сумбурные и противоречивые представления о том, какие именно качества им следует поощрять и развивать в своем ребенке, и что для этого необходимо делать.

С двенадцатилетним сыном моих знакомых недавно произошел чудовищный случай. Двое ребят избили его прямо на уроке в присутствии учительницы. Сначала, задираясь, запихнули ему что-то за шиворот, а когда он отмахнулся, повалили вместе со стулом на пол и принялись бить ногами, в том числе по лицу, сломали нос, нанесли серьезную черепно-мозговую травму. Мать избитого ребенка написала заявление в милицию, и тут... мнения родителей разделились. Казалось бы, о чем спорить? Но нет! Нашлись такие, которые ее осудили и приняли сторону Диминых обидчиков. Дескать, не надо было

отмахиваться, сам напросился. Стерпел бы – ничего и не было бы. А теперь из-за него ребят на учет поставили.

А ведь никто из этих людей (даже, наверное, родители обидчиков) не хочет, чтобы их дети выросли подонками и подлецами. И хотя бы краем уха слышали, что лежачего не бьют, тем более ногами по лицу. Не исключено даже, что у этих взрослых есть в родне те, кто защищал нашу Родину в годы Великой Отечественной войны. И взрослые этим гордятся, а не заявляют, что если бы предки сидели тихо, то садисты, носившие в те времена форму солдат Третьего рейха, быть может, покуражились бы, да и отстали. Но все это как бы рассовано в их головах по разным ящичкам, одно с другим не связывается, не монтируется в целостную картинку. Какие представления о жизни и какие качества характера можно воспитать в детях при такой разорванности сознания? А между тем, именно нравственное воспитание является главной задачей родителей, поскольку их родительский долг – вести детей ко спасению. В этом они в свое время дадут отчет перед Богом.

И есть надежный компас, который не позволит сбиться с пути даже в страшную бурю, когда вокруг царит хаос. Компас этот – наша совесть. Вернее, не совсем наша, ведь совесть – это голос Божий в человеке.

“Этот внутренний голос, называемый совестью, – пишет епископ Александр (Милеант), – находится вне нашего контроля и выражает себя непосредственно, помимо нашего желания. Подобно тому, как мы не можем себя убедить, что мы сыты, когда мы голодны, или что мы – отдохнувшие, когда мы усталые, так мы не можем себя убедить в том, что мы поступили хорошо, когда совесть говорит нам, что мы поступили плохо”. Бог не ошибается, поэтому и совесть безошибочно подсказывает нам, добро мы творим или зло.

Совесть есть у каждого человека, даже у маленького, совсем еще несмышлениша. Он и говорить-то толком не умеет, и понимает лишь самые простые вещи, а укажешь ему на икону, качая головой: “Ай-ай-ай! Видишь, как Бог на тебя смотрит?” И озорник вмиг (пусть и ненадолго!) посерьезнеет, а капризуля, который ничего не желал слушать, криком добиваясь своего, притихнет.

А вот прямо-таки ожившая иллюстрация Ветхого завета. Мой трехлетний внук к вечеру устал и развредничался. “Спать не буду, кушать не буду, убирать игрушки не буду...” С какого бока ни подступись – все без толку! Я прибегаю к последнему, испытанному средству – см. выше про иконы. Но и это не помогает!

– Не смотрит Бог! Не смотрит! – Гриша садится на палас спиной к красному углу и для верности закрывает глаза ладошкой. Ни дать ни взять – Адам, пытающийся спрятаться от Бога...

Я: “Как не смотрит? Смотрит! И все видит!”

Гришка: “Не видит! Не видит!”

А сам украдкой все же поглядывает назад.

Я вздыхаю и выхожу из комнаты. А когда через несколько минут заглядываю в дверь, вижу, что игрушки потихоньку перекачывают в коробку. А еще через некоторое время, укладываясь в кроватку, Гриша спрашивает: “Бог видел, что я хороший?”

САМЫЙ ПЕРВЫЙ БУДИЛЬНИК

Совесть есть у каждого человека, но ее голос может звучать отчетливо, а может быть заглушен настолько, что его и не услышишь; в таких случаях кажется, что совести совсем нет. Пробуждение совести и неразрывно связанное с этим формирование нравственных понятий в детстве зависит, в основном, от ближайшего окружения ребенка – его родителей. Прежде всего от матери. “Сблизив мать с ее ребенком, сама природа как бы хочет указать, кому она вручает наше первоначальное нравственное воспитание”, – писал А. Надеждин в книге “Права и значение женщины в христианстве” (СПб, 1873 г., цит. по изданию “Женщина-христианка”. М., “Отчий дом”, 2000, стр. 325).

Около 150 лет назад, когда это было написано, дети, за редким исключением, рождались и воспитывались в полных семьях, роли в семье были не перепутаны, массовая феминизация мужчин и маскулинизация женщин могли лишь присниться какому-нибудь очень большому фантазеру, да и то в кош-

марном сне. Поэтому автор книги очень точно подмечал различия мужского и женского типа воспитания: “Тогда как отец воспитывает более при помощи авторитета и разума, мать достигает того же результата лаской и нежностью сердца. Отец подчиняет себе волю ребенка большей частью посредством уважения к себе, а мать располагает этой волей при помощи любви”.

“В педагогических средствах — гимнастике и музыке — находят как бы некоторое указание на отцовский и материнский элемент в воспитании, — замечает автор. — Гимнастика — это твердая сила воспитания, предлагаемая отцом, которая научает дитя побеждать самого себя, бороться с затруднениями, быть свободным и, в то же время, человеком долга; музыка — это кроткое воспитание матери, которая баюкает дитя нежным словом, заглушает в нем противные порывы и, в то же время, не уничтожает его воли. Не то же ли психологическое основание лежит и в наставлении апостола Павла родителям, когда отец он предписывал не раздражать детей (Еф. 6:4; Кол. 3:21) и тем как бы охот строгий авторитет отца смягчить добрым и нежным чувством; а матерям, предписывая любовь (Тит. 2:4), дает понять, что это чувство должно быть не простой только естественной привязанностью, доходящей до слабости в нравственном отношении, но разумно-нравственной любовью” (там же, стр. 324–325).

Именно разумно-нравственной любви не хватает многим современным матерям. Внук дерзит бабушке, а мама не пресекает это. И даже может оправдывать сына: дескать, бабушка сама виновата, мало им занимается, не заслужила хорошего отношения. А вот сцена из автобиографической повести прекрасного русского писателя С. Т. Аксакова “Детские годы Багрова-внука”. Два его дяди-драгуна и их адъютант Волков повадились дразнить маленького Сережу и однажды довели его до полного исступления. Осыпав дядю всеми бранными словами, какие он только знал (подъячий, приказной крючок и мошенник), мальчик побежал в столярную, схватил деревянный молоток и запустил им в своего главного обидчика Волкова. К счастью, удар не нанес ему сильных телесных повреждений. Но Сережу все равно строго наказали: демонстративно одели, как арестанта, в серое, толстое суконное платье и поставили в пустой комнате в угол. Для дворянского ребенка такое наказание было весьма унижительным. От Сережи требовали, чтобы он попросил прощения, а он не чувствовал себя виноватым и отказывался. Больше того, он считал, что дядю с адъютантом надо наказать, разжаловать в солдаты и послать на войну. И что не он, а они должны молить его о прощении!

Инцидент произошел утром. “Мать, которая страдала больше меня, беспрепятственно подходила к дверям, чтоб слышать, что я говорю, и смотреть на меня в дверную щель; она имела твердость не входить ко мне до обеда, — пишет Аксаков. — Наконец, она пришла, осталась со мной наедине и употребила все усилия, чтоб убедить меня в моей вине. Долго говорила она; ее слова, нежные и грозные, ласковые и строгие и всегда убедительные, ее слезы о моем упрямстве поколебали меня: я признавал себя виноватым перед маменькой и даже дяденькой, которого очень любил... но никак не соглашался, что я виноват перед Волковым; я готов был просить прощения у всех, кроме Волкова. Мать не хотела сделать никакой уступки, скрепила свое сердце и, сказав, что я останусь без обеда, что я останусь в углу до тех пор, пока не почувствую вины своей и от искреннего сердца не попрошу Волкова простить меня, ушла обедать, потому что гости ее ожидали”.

Разумеется, мать, которая до самозабвения любила маленького Сережу, понимала, на ком лежит основная вина за разгоревшийся скандал. Но — из той самой разумно-нравственной любви, о которой писал автор книги “Права и значение женщины в христианстве” (хотя книга эта появилась гораздо позже истории, рассказанной Аксаковым), взывала к Сережину совести. Потому что благородно воспитанному ребенку, как бы его ни подначивали, негоже было впадать в такую ярость, чтобы поднимать руку на взрослого. Почитание старших было очень важным принципом воспитания. Можно сказать, оно входило в кодекс чести.

Интересно, что, давая оценку этой истории, пожилой Аксаков (он завершил повесть в 67 лет, за год до смерти) пишет: “Тогда я ничего не понимал и только впоследствии почувствовал, каких терзаний стоила эта твердость материнскому сердцу; но душевная польза своего милого дитяти, может быть, иногда неверно понимаемая, всегда была для нее выше собственных страда-

ний, в настоящее время очень опасных для ее здоровья”. И эти слова так и дышат благородством. Тем самым благородством, которое старалась привить ему любящая мать.

Интересно и другое – то, как завершилась описываемая история. Простояв в углу до вечера (обедом его все-таки покормили), но так и не признав себя виноватым, Сережа от волнения и усталости заболел. Все, конечно, перепугались и раскаялись. Дядя сидел возле него и плакал. Волков стоял за дверью, очень переживал, но не смел войти, чтобы не раздражать большого мальчика. О страданиях матери с отцом нечего и говорить. Но интересно не это, а то, что, выздоровев, Сережа вдруг испытал настоящий катарсис. Хотя его уже, естественно, не принуждали извиняться, он “вдруг почувствовал сильное желание увидеть своих гонителей, выпросить у них прощение и так примириться с ними, чтобы никто <на него> не сердился”.

Сцена примирения проникнута глубоко христианскими чувствами, хотя слово “христианство” там ни разу не произносится. “Я сейчас вызвал из спальни мать и сказал ей, чего мне хочется, – вспоминает Аксаков. – Мать обняла меня и заплакала от радости (как она мне сказала), что у меня такое доброе сердце. Волков был в это время у дядей, и они все трое в ту же минуту пришли ко мне. Я с полной искренностью просил их простить меня, особенно Волкова. Меня целовали и обещали никогда не дразнить. Мать улыбнулась и сказала очень твердо: “Да если б вы и вздумали, то я уже никогда не позволю. Я всех больше виновата и всех больше была наказана. Этого урока я никогда не забуду”.

Обратите внимание, как женственна Сережина мама. И в то же время какую она проявляет поразительную выдержку и стойкость, взывая к его совести. Хотя мать эта, судя по тексту повести, была отнюдь не железной леди, а очень эмоциональной, ранимой, впечатлительной. Легко себе представить, как разрывалось ее сердце, как хотелось приласкать обиженного мальчика, как негодовала она по поводу глупых задир. Но если бы сорвалась, вышла бы кухонная свара (как часто бывает в наши дни). А Сережа бы скорее всего еще больше укрепился в сознании своей правоты, и ни о каких благородных катарсических чувствах речи бы не зашло.

Поучителен и другой эпизод из аксаковской повести, тоже наглядно свидетельствующий о том, как тщательно воспитывалось в детях благородство. Однажды маленький Сережа наслушался сплетен горничной Парашаи о том, как родственники пытаются обделить их после смерти дедушки по отцовской линии, и пересказал это матери, поскольку привык ей полностью доверять. Мать страшно разгневалась на Парашу, кричала, грозилась сослать в деревню ухаживать за коровами (для дворни, жившей довольно вольготной жизнью при помещиках, это была ужасная угроза). Сыну же она строго-настрого велела не слушать пересудов слуг и не верить им, потому что все это выдумки.

На самом же деле дворня говорила правду, и мать это прекрасно знала. Тем более что к ней родственники мужа относились особенно плохо, и ей, конечно, было обидно. Но она старалась не выдавать своих чувств, понимая, как вредно для души ребенка осуждать своих близких, делить их на “хороших” и “плохих”.

“Только впоследствии я понял, – пишет Аксаков, – за что мать сердилась на Парашу и отчего она хотела, чтоб я не знал печальной истины, которую мать знала очень хорошо”. Советская мама из рассказа Н. Носова “Огурцы” более суровая и прямолинейная. Что, впрочем, неудивительно: время другое, среда не та. Хотя вообще-то большой вопрос, кто поступает жестче. Котьку, своровавшего огурцы из колхозного сада, мать не наказывает, а, воззвав к его совести, требует, чтобы он просто пошел назад и положил их на грядку. Котька боится, ведь у дедушки-сторожа, который свистел им с приятелем вслед, ружье. Вдруг он выстрелит и убьет?

“А брать не боялся? – возражает мать и выводит Котьку за дверь. – Или носи огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!”

Вы скажете: при чем тут совесть? Мать просто не оставила мальчику выбора. Однако совесть, казалось бы, совершенно заглушенная самооправданиями и эгоистическим страхом, пусть не сразу, но пробуждается. По дороге Котьке приходит в голову выбросить огурцы в канаву, а матери солгать, но он этого не делает. Тоже из страха. Но уже не за себя, а за сторожа. Вдруг кто-нибудь увидит брошенные огурцы, и сторожу попадет? То есть слова матери,

обращенные к совести сына (“Ну, как тебе не стыдно? Дедушка же за огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват”), все-таки ее разбудили! Не ласковым шепотом, потому что его бы Котькина совесть не услышала, а резким рывком. Но ведь и спящего человека порой приходится расталкивать. А то и вытаскивать из-под него матрас, если он ни в какую не желает просыпаться.

Пробудившись же, Котькина совесть начинает действовать уже по собственному почину. Волнуясь за сторожа, Котька признается ему, что один огурец он по дороге съел. И хотя сторож говорит: “На здоровье!”, не успокаивается. Еще недавно он доказывал маме, что это не воровство, а теперь спрашивает: “Как будет считаться, украл я его или нет?”

И только получив ответ: “Считай, что я тебе подарил его”, уже со спокойной совестью возвращается домой. Так что ни одно из маминых слов не пропало зря. А главное, на душе у Котьки РАДОСТНО.

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Среди вопросов, которые чаще всего задают сегодня родители, преобладают прагматические: как подготовить ребенка к школе, какую школу выбрать, как научить учиться и помочь справиться с психологическими трудностями, с какого возраста и в каких количествах стоит давать карманные деньги.

Вопросы морально-этического плана тоже, конечно, возникают. Родителей тревожит, если ребенок агрессивен, обижает братьев или сестер. Они не любят, когда он жадничает, врет и ленится (лень, по их мнению, опять-таки выражается в нежелании учиться, поскольку выполнение домашних обязанностей многие семьи почему-то списали в архив, и от детей этого даже не требуют). И, конечно, нормальная семья не хочет вырастить наркомана. Но наиболее живой интерес, по моим наблюдениям, вызывают следующие темы: как научить ребенка постоять за себя, надо ли его сексуально просвещать и если да, то с какого возраста и в какой форме. А главное, как бы так сделать, чтобы он не чувствовал себя среди сверстников белой вороной, но при этом не пошел вразнос. Нетрудно заметить, что подобные вопросы носят конформистский характер. Признавая, что общество, в котором мы живем, тяжело больно, а современная масс-культура является источником разврата, большинство родителей не пытается изменить порядок вещей, а стремится, чтобы их ребенок в это больное общество как можно успешней вписался. При этом очень многие оказываются совершенно не готовы к вполне естественным последствиям такой “социализации”. Хотя как можно рассчитывать на то, что ребенок впишется в аморальное, расчеловечивающееся общество без ущерба для своей нравственности, характера, поведения?

Если поинтересоваться, каким люди хотели бы видеть своего ребенка в будущем, многие, не сговариваясь, указывают на главные атрибуты успеха, под которыми в первую очередь понимаются хорошее образование и престижная высокооплачиваемая работа. Конечно, так отвечают далеко не все, однако популярность общепринятых еще недавно слов “хочу, чтобы вырос хорошим человеком” заметно снизилась.

Перечисление личностных качеств, необходимых для достижения идеала, более разнообразно. Но есть и некая, опять-таки общая закономерность. В списках этих довольно редко фигурирует СОВЕСТЛИВОСТЬ. Не странно ли? Особенно если учесть, что родители, приходящие на наши лекции, занятия и консультации, в подавляющем большинстве – православные. А какое Православие без покаяния? А покаяние – без испытания совести?

Тогда в чем дело? Почему развитие в детях такого важнейшего качества ускользает от внимания родителей, когда они размышляют о будущем своих отпрысков? Я думаю, это происходит произвольно, как бы само собой. Ведь ход наших мыслей сильно зависит от того, на что именно мы настроены. Те же самые родители, когда их тревожит детское поведение, про совесть (точнее, про ее отсутствие) вспоминают без подсказок. Когда же речь идет об успешном встраивании в современный мир, который весьма далек от христианской морали и нравственности, такое качество, как совесть, “само собой” отодвигается на задний план. Что вполне закономерно, ибо она во многих случаях будет не способствовать, а мешать достижению успеха.

Но совесть не проездной билет, который предъявляется в строго определенных местах. И не музыка, которую, по нашему желанию, можно включить то тише, то громче. Если ребенка не приучают постоянно прислушиваться к голосу Божию в своей душе, а то и позволяют игнорировать его в угоду требованиям века сего, совесть начинает напоминать о себе все тише и реже. И постепенно может заглухнуть совсем. Когда же ребенок “вдруг” совершает некий уже откровенно бессовестный поступок, родители бывают шокированы, растеряны, возмущены. Как же так?! Он не мог этого сделать! Мы его этому не учили!..

А ведь на самом деле он просто пытался добиться успеха, на который его с детства нацеливали мама с папой. Ну, а неразборчивость в средствах... Так ребенка особо и не учили разбираться, делая акцент на результате, а не на процессе! Совесть же, которая могла бы подсказать сама, независимо от внешней направляющей, толком не научилась говорить.

Получается, что родители сами не очень-то понимают, чего они хотят от ребенка, их собственные установки путаны и противоречивы (в психологии это называется “когнитивный диссонанс”). Цельную, гармоничную личность воспитать при этом, разумеется, весьма затруднительно.

“При образовании чрезвычайно вредно развивать рассудок и ум, оставляя без внимания сердце, — справедливо отмечает крупный православный богослов и педагог Н. Е. Пестов, — на сердце больше всего нужно обращать внимание; сердце — жизнь, но жизнь, испорченная грехом; нужно очистить этот источник жизни, нужно зажечь в нем чистый пламень жизни так, чтобы он горел и не угасал, и давал направление всем мыслям, желаниям и стремлениям человека, всей его жизни” (Н. Е. Пестов. Душа человеческая. М., Прав. братство св. ап. Иоанна Богослова, 2003, стр. 33).

Но ведь и раньше далеко не все в обществе было идеально! Хотя пока государственные законы и общественная мораль не шли вразрез с христианством, воспитывать детей в христианском духе было неизмеримо легче. Однако и тогда в жизни нередко преуспевали лицемеры, процелыги и интриганы, а вовсе не порядочные, совестьливые люди. Грибоедовское восклицание: “Молчалины блаженствуют на свете!” — недаром стало крылатой фразой. А Салтыков-Щедрин, тот вообще спустя четверть века написал сказку “Пропала совесть”, где остроумно и доходчиво показал, как мешает преуспеянию подброшенная в карманы персонажей совесть, и как все они спешат от нее избавиться. Правда, Щедрин был сатирик (значит, любил гиперболы) и, как нас учили в школе, революционный демократ... Однако и Николай Васильевич Гоголь, который революционным демократом не был, в данном отношении мыслил очень похоже. И даже вкратце обрисовал процесс воспитания человека, с детства ориентированного на богатство и успех.

“Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту Бог не дал, все пойдешь в ход и всех опередишь. С товарищами не водись, они тебя добру не научат; а если уж пошло на то, так водись с теми, которые побогаче, чтобы при случае могли быть тебе полезными. Не угождай и не потчуй никого, а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку, эта вещь надежнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой”, — такое наставление дал отец Чичикову, по вполне понятным причинам ни разу не упомянув при этом о совести.

Павлуша намотал на ус, творчески развил папины воспитательные идеи: припрятывал полученное от товарищей угощенье и потом им же его продавал, спекулировал продуктами, беззастенчиво заискивал перед учителями. “Дело, — пишет Гоголь, — имело совершенный успех. Во все время пребывания в училище был он на отличном счету и при выпуске получил полное удостоверение во всех науках, аттестат и книгу с золотыми буквами: за примерное прилежание и благонадежное поведение”. Что получилось из всего этого дальше, надеюсь, напоминать не нужно.

Но к счастью для нас и для России, большинство наших предков в те далекие времена придерживалось иной воспитательной стратегии. В этом отношении полезно познакомиться с опытом княгини Евдокии Николаевны Мещерской, урожденной Тютчевой. Она тоже желала дочери счастья и тоже давала

наставления. До наших дней дошла тетрадь, исписанная ее рукой и озаглавленная “Беседы с моей дочерью”. Тетрадку эту мать вручила девочке, когда ей исполнилось 10 лет, и до шестнадцатилетия Анастасии каждый год вносила ко дню ее рождения новые записи, подводя очередные итоги и намечая новые перспективы. В этих беседах говорится и про прилежание в учебе, и про уважение к учителям, и про друзей, и даже про деньги. Но угол зрения совершенно иной – христианский. Никакого когнитивного диссонанса, все цельно, стройно, гармонично. “Держись неуклонно нашего христианского закона (учения), который предписывает смирение, кротость, послушание, искренность, соучастие к ближним как в радостях, так и в печалях, обходительность с каждым, трудолюбие, – пишет мать, – учись избегать гордости и тщеславия, но не быть льстивой, говорить разумно, но не употреблять ума на то, чтобы говорить чего не чувствуешь (это было бы гнусное притворство), соблюдать во всем благопристойность и скромность, столь любезные в человеке, а наипаче в женщине” (“Женская Оптина”. М., “Паломник”, 2007, стр. 25).

Намечен и путь к достижению счастья. Счастья не мимолетного, оставляющего после себя разочарование и тоску, а настоящего, которое никто и ничто отнять у человека не может. “В постоянном стремлении своем к счастью человек должен внимательно прислушиваться к внушениям своей совести, – поучает княгиня. – В несчастьи, в болезни, в бедности, в незаслуженном и обидном забвении от других людей он найдет в своей совести, не помраченной никаким постыдным делом, в ее покое утешение своему горю. Укоризны же совести тяжки безмерно. Человек, имеющий покойную совесть, познается по неуклонному и усердному исполнению своих обязанностей” (там же, стр. 30). Иными словами, совесть – это как бы некая точка кристаллизации, вокруг которой выстраивается цельная, стремящаяся к богоподобию личность.

Говоря об утешении в скорбях, княгиня глубоко прочувствовала это на собственном опыте, ведь через два месяца после свадьбы она в двадцать два года осталась вдовой, и утешали ее лишь мысли о ребенке, которого она носила во чреве. Замуж Евдокия Николаевна больше не вышла, и все тяготы воспитания дочки, ведения хозяйства, управления имуществом и т. п. легли на ее еще юные женские плечи. Когда читаешь наставления Е. Н. Мещерской, кажется, что их дает умудренная опытом старлица. А ведь ей тогда было чуть за тридцать! “По плодам их узнаете их”, – сказал Христос (Мф. 16:18). Плоды были добрыми и обильными: дочь выросла благочестивой, стала хорошей женой и матерью, родила семерых сыновей и пятерых дочерей. А княгиня Евдокия Николаевна воспитала еще несколько сирот и основала Борисо-Глебский женский Аносин монастырь, где была первой настоятельницей. А впоследствии в этом монастыре подвизалась и настоятельствовала ее внучка Евгения (Озерова).

НИ СТЫДА НИ СОВЕСТИ

Совесть тесно связана с понятием стыда. Даже пословица существует: “Есть совесть – есть стыд, а стыда нет – и совести нет”. Со стыдом сейчас из рук вон плохо. Достаточно выйти на улицу и поглядеть на щитовую рекламу, на женские наряды, включить телевизор, войти в интернет.

Характерно, что и сильно возросшая за последнее десятилетие детская демонстративность нередко отличается именно бесстыдством. Дети не просто кривляются, как обезьянки, а имитируют непристойные жесты и повадки. Их интересы, лексика, игры вульгарно сексуализированы; манеры и внешний вид свидетельствуют не просто о желании выделиться, а о желании выделиться своей распушенностью. Не стоит думать, что детская демонстративность всегда выглядела так. Вообще-то она бывает разная и вовсе необязательно предполагает отсутствие стыда (а значит, и совести). Можно “интересничать”, изображая томность и привередливость (в это играть не хочу, в это хочу, сегодня с тобой дружу, завтра – пошел вон), можно пытаться казаться умнее, взрослее, с важным видом рассуждать о вещах, в которых на самом деле еще ничего не смыслишь; можно, наоборот, изображать маленького, сюсюкать. Можно демонстративно обижаться, можно привлекать к себе внимание, изображая котеночка, щеночка, какого-нибудь сказочного персонажа. Короче говоря, существует немало детских форм демонстративного поведения, в которых

нет ничего неприличного, где развратом даже не пахнет. Но поскольку дети раздражают тому, что видят вокруг, а вокруг идет просто оголтелая пропаганда разврата, “смещение акцентов” детской демонстративности неудивительно.

Стыдно бывает перед людьми, а совестно перед собой, ведь совесть – внутренний голос. Никто, кроме самого человека, его не слышит. “Совесть, – как указывает доктор психологических наук Т. А. Флоренская, – более глубокое и зрелое переживание, побуждающее к осознанию нравственного нарушения”. Если голос совести звучит отчетливо, то внешних воздействий в виде поощрений и наказаний не требуется. Сейчас для многих родителей вопросы поощрения и наказания детей вышли на первый план именно потому, что в детях не развиты стыдливость и совесть.

А как они могут быть развиты, если маме самой не стыдно?

Маленькая городская зарисовка: водитель автобуса, то ли с Кавказа, то ли из Средней Азии, видимо, недавно работает на маршруте и перепутал дорогу. Мужчины, человек десять, молчат, ожидая, когда шофер сам вырулит на нужную улицу. Проходит несколько минут. Симпатичная молоденькая мама не выдерживает и, обложив шофера громоздким матом, командует мужу: “Иди покажи этому козлу дорогу!” Полуторогодовалый сынишка взирает на эту сцену из прогулочной коляски и впитывает впечатления.

А вот обрывки разговоров мамочек на детской площадке:

- Я вчера так устала! Пришла домой и вырубилась!..
- Тебе хорошо, у тебя характер такой – ты и в школе не парилась. А я даже в институте из-за оценки на экзамене всех готова была порвать!
- Чего ревешь?! <Это двухлетнему малышу.> Ты же мужик!
- Мой вчера нажрался – лыка не вязал..
- Да ладно! С кем не бывает! (Далее идут воспоминания молодости: как хорошо когда-то сами “погудели”, кто сколько выпил и где валялся; все это рассказывается без малейшего стеснения, а, наоборот, с большим удовольствием.)

И что характерно, с виду это совсем не оторвы, а вроде бы нормальные молодые женщины, что называется “из хорошей семьи”, учились в “нормальных” школах (так сейчас говорят про лицей или гимназии), получили или получают высшее образование. То есть, это не люди низкого пошиба, не полууголовные элементы, для которых всегда были характерны развязность и бесстыдная бравада своими безобразиями, а тот самый средний класс, который, по идее, служит оплотом стабильности общества. А значит, и оплотом культуры, ведь если общество утрачивает культуру, оно автоматически начинает деградировать, распадаться.

Если заглянуть на интернет-форумы, то вообще волосы встанут дыбом. В каких выражениях и подробностях делятся сейчас женщины опытом рождения ребенка и оценивают роддома... Цитировать не буду, желающие могут ознакомиться со “срамными глаголами” сами. И что самое показательное, собеседники они не шокируют! Девушки не видят в такой манере выразиться ничего постыдного. А если кто-то и видит, то предпочитает помалкивать. Наверное, чтобы не нарваться на хамство или не прослыть ханжой.

Некоторые актрисы, которых СМИ (да они сами) называют православными, снимаются голыми. На вопрос, как относится к этому их ребенок, отвечают: “Нормально. Это работа”. Еще больше женщин мечтает о карьере модели для дочек. Во всяком случае, соответствующие агентства не испытывают нехватки кадров. Одна такая мать упорно искала хорошего психолога, причем обязательно православного, поскольку (она это особо подчеркивала) дочь с детства в церкви, и не нужно, чтобы какой-нибудь светский специалист задурил ей голову. Что же волновало маму? Может быть, то, что дочь, которую она с десяти лет отдала в модельный бизнес, рекламирует бикини и даже фотографируется обнаженной, но с крыльями за спиной, изображая ангела? – Отнюдь. Мама расстраивалась, что дочка выросла... закомплексованной, не уверена в себе, и от этого находится в состоянии хронической депрессии.

Другая мама, интеллигентный человек, кандидат наук, зачем-то согласилась принять участие в телепередаче, где родственники (вместе с ней в студию пришли ее уже весьма пожилая мать и взрослая дочь) склочничают и предьявляют друг к другу претензии за свою неудавшуюся жизнь. А потом выясняется, что все их беды проистекают от неумения модно одеться и создать привлекательный имидж.

– Зачем она туда пошла? – неумевала моя подруга. – Зачем позорилась? Я же эту семью сто лет знаю. Нормальные люди, ничего похожего на то, что говорилось в передаче, про них не слышала. Что они там плели?! Как теперь людям будут в глаза смотреть?

А так и будут – спокойно и даже с гордостью. Их же никто не заставлял участвовать. Я даже допускаю, что на самом деле это был постановочный эпизод. Кто-то из знакомых, работающих на телевидении, предложил сняться в передаче, озвучить заранее заготовленный текст и получить в награду комплект модной одежды, которая якобы должна разрешить все жизненные и семейные трудности. И люди подумали: “А что такого? Ну, поучастуем. Мы же не взаправду будем друг с другом ругаться”.

А то, что в такой телескопке в принципе участвовать стыдно, независимо от того, всамделишной там обливают друг друга грязью или нафантазированной сценаристом, уже ускользает от понимания. На фоне откровенного повседневного разврата это в порядке вещей.

ПОНЯТИЕ ГРЕХА ОБЛЕГЧАЕТ ВОСПИТАНИЕ

Между тем дети очень рано и без подробных объяснений понимают слово “грех”. Меня всегда это поражало, ведь и слово не из сегодняшней жизни, и смысл его не такой уж простой. Сколько взрослых грешит “бесстыдно, беспорочно”, а пойдешь докажи, что грешат. Сколько ни бейся – ничего не докажешь, если у человека “своя правда”. Но детская душа, еще не замутненная страстями и пороками, проявляет куда большую мудрость и легко понимает то, что потом, во взрослом возрасте, может отказываться воспринимать.

Когда моя дочь была маленькой, слово “грех” в обиходной речи почти не употреблялось. Конечно, его все знали, но оно было непопулярно, пахивало “религиозным мракобесием”, а значит, неблагонадежностью, которую тогда тоже называли иначе: про благонадежного человека принято было говорить, что он политически грамотен и морально устойчив.

Я не помню, из-за чего разгорелся сыр-бор, что именно натворили мои дети. Вряд ли нечто из ряда вон выходящее, они вообще-то были не хулиганистые. Но тем не менее провинность была, и – это я запомнила хорошо – мне никак не удавалось донести до них, что так себя вести нельзя. Восемилетний сын доказывал свою правоту и кивал на товарищей: дескать, их за то же самое не ругают. Я приводила аргументы, но они казались ему неубедительными, он все больше входил в раж, спор грозил затянуться до ночи. Трехлетняя дочка с силу возраста в наших дебатах полноценно участвовать не могла, но внимательно наблюдала за их ходом и, судя по выражению лица, поддерживала брата. Я почувствовала себя в тупике. Можно было, конечно, наказать ребят и тем самым положить предел дискуссии. Но воздействовать силовыми методами, не добившись понимания, мне не хотелось, поскольку я не сомневалась, что в этом случае все повторится вновь. И тут я неожиданно для себя самой воскликнула:

– Ну, что тут долго доказывать?! Нельзя так себя вести! Понимаешь? Нельзя! Это грех.

И он так же неожиданно понял. И не только он, но и малышка. Причем даже быстрее брата. Я это сразу увидела по глазам. Секунду назад они смотрели исподлобья, не по-детски напряженно и набыченно, как бы отгораживаясь от меня и от моих слов. А упоминание о грехе, будто копьем, пробило незримую стену, и я сразу увидела, что детям стало стыдно. Не страшно, что мама сейчас разгневется, а именно стыдно. И мне не пришлось даже маленькой дочке объяснять значение незнакомого слова. Потому что в глубине души они изначально понимали мою правоту, но своеволие мешало это признать, им хотелось настоять на своем. А непривычно звучащее, но такое важное для души слово мгновенно расставило все по местам.

Пару лет назад школьная подруга вспомнила эту историю и сказала, что ее тогда поразила моя фраза: “Понятие греха облегчает воспитание”. Она показала ей странной и спорной. (Мы тогда вообще любили спорить “до хрипоты”, это считалось признаком интеллигентного человека.) Но прошло время, и на примере собственных детей она убедилась, что да, действительно легче. Хотя в храм до сих пор не пришла...

Так что в деле нравственного воспитания положение у православных мам куда более выигрышное, чем у невоцерковленных женщин. На первый взгляд, может показаться наоборот, ведь верующие люди часто идут вразрез с веяниями времени и треплют себе нервы из-за того, на что невоцерковленный человек в наши дни даже внимания не обратит. Но тишь да гладь, когда все в семье довольны, вовсе необязательно свидетельствует о том, что семейный корабль движется в верном направлении. Если им не управлять, то легко налететь на риф или сесть на мель. Да и затишье нередко бывает перед бурей.

Зато у православных матерей есть четкие и незыблемые опоры в этом “вечно меняющемся”, как бесовское наваждение, мире. Христос всегда один и тот же. Часто бывает достаточно лишь подумать: а как бы Он велел нам поступить в той или иной ситуации – и там, где только что был туман, сразу появится ясность.

Разумеется, я не призываю мам напустить на себя суровость и постоянно тыкать ребенка носом, что грех, а что нет. Такие “лобовые атаки” не могут быть частыми, иначе острота восприятия притупится, может произойти девальвация важнейших понятий и слов. Воспитание личности – процесс очень индивидуальный, ведь каждая личность неповторима. Тут неуместны шаблоны, хотя, на первый взгляд, это так облегчает жизнь. С кем-то надо построже, с кем-то помягче. Кому-то достаточно заметить, что мама расстроилась, и уже станет стыдно, совесть заговорит. Но таких от природы чутких, совестливых детей с твердым нравственным стержнем, которых и воспитывать-то особо не надо, потому что они сами все понимают с полувзгляда, единицы. Поэтому без того, что на языке информационной войны презрительно названо “морализаторством” и “давлением”, не обойтись. В условиях, когда дети так дезориентированы, как сейчас, им часто приходится объяснять даже очень, казалось бы, простые и очевидные с точки зрения нравственности вещи. Ведь традиционные ценности упорно стараются опошлить, а цинизм, наоборот, сделать привлекательным. Например, по радио со смешком повторяют новоиспеченный афоризм “У меня совесть чиста: я ей не пользуюсь”, а в интернете появляются немые видео еще недавно рассказы про страшного монстра под названием совесть, который всех грызет и пилит, и скрежещет. И бывает она только у угрюмых и мрачных людей, а у самого автора, по его собственному признанию, совести нет.

В таких, мягко говоря, непростых условиях не морализаторства, а аморальности надо бояться. Надо бояться того, что у сбитого с толку ребенка вообще не сформируются нормальные представления о жизни, и он вырастет нравственным калекой, моральным уродом. Умным людям и раньше мифы о “недирективной” педагогике были смешны. Архимандрит Рафаил (Карелин) вспоминает, как однажды основоположник гуманистической педагогики, известный американский психолог Роджерс гостил в Тбилиси. “От своих коллег, – пишет автор, – он узнал, что здесь существует неофициальная группа молодежи, которая изучает психологические проблемы, особенно проблемы взаимоотношений и общения. Он заинтересовался их работой и выразил желание познакомиться с руководителем этой группы Виктором Криворотовым. После беседы с ним Роджерс сказал: “Вы хотите на основе христианской концепции решать вопросы психологии, например, вы даете ребенку уже готовую нравственную программу, а на самом деле надо создавать условия для свободного развития естественного нравственного потенциала, заложенного в самом ребенке, без внешнего воздействия и принуждения”. На это Криворотов ответил: “Если в своем саду вы создадите возможность для свободного роста и размножения всех растений без разбора и устраните вмешательство садовника, то сорняк заглушит цветы”. Роджерс не смог ничего возразить и только произнес авторитарным тоном: “Этого не будет”, почти буквально повторив известное выражение чеховского героя: “Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда”. Присутствующие молча улыбнулись, и то слегка, чтобы не обидеть престарелого гуманиста, который был их гостем” (Архим. Рафаил (Карелин) “На пути из времени в вечность”. Издательство Саратовской епархии, 2008, стр. 473–474). Сейчас опасность подобных благоглупостей очевидна любому вменяемому человеку. Слишком много семей на своем трагическом опыте убедились, чем чреват такой “недирективный, гуманистический” подход.

И не “давления” на детей следует сейчас бояться, а того, что наши законодатели, выполняя требования Совета Европы по защите прав ребенка, зап-

ретья домашние наказания. А такой закон будет означать, что детей нельзя не только шлепать или ставить в угол, но и вызывать у них чувство вины, поскольку это насилие. То есть апелляция к совести тоже окажется под запретом. И за разговоры про грех, подобные тем, которые я вела с сыном и дочкой, можно будет получить штраф, а то и схлопотать срок.

ЧТО ПОМОГАЕТ ПРОБУДИТЬ СОВЕСТЬ?

Но как же все-таки не превратить нравственное воспитание в дубину, от которой дети будут потом шараться в разные стороны? Ведь не секрет, что излишнее давление и излишнее морализаторство действительно могут вызвать протест. Для того чтобы мамыны поучения не навязли в зубах, ей необходимо иметь с детьми не формальные и не напряженные, а по-настоящему родственные, теплые, доверительные отношения. Нужно знать душу своего ребенка, знать, чем он дышит. Нужно преграждать доступ в его душу всякой мерзопакости, потому что иначе она будет дышать смрадом и оскверняться. Нужно давать ребенку душеполезные знания и впечатления. А для этого необходимо время. Если мама видит детей урывками: утром, торопясь на работу и спешно собирая их в садик и школу, а вечером, впопыхах готовя ужин и торопясь затолкать в постель, чтобы “выкроить хоть часок для себя”, дети с малолетства привыкают, что их жизнь течет в каком-то ином, внесемейном пространстве. И отдаляются, не успев приблизиться.

Очень важно действовать, как сейчас говорят, “на позитиве”: не лениться подмечать правильные, совестливые поступки ребенка и выражать по этому поводу свое одобрение и радость. Мы же гораздо чаще замечаем, когда что-то не так, и начинаем “песочить”. А ведь ребенок быстрее и охотней воспримет ваши слова, когда они у него будут связаны с чем-то приятным, а не со слезами и обидой. Допустим, сын-первоклассник обычно шумит, не желая считаться с тем, что у его маленькой сестренки послеобеденный сон. Не надо взывать к его совести, если вы видите, что ваши воззвания не производят должного эффекта. Лучше накажите. И если назавтра, памятуя о том, как вчера он из-за своей вредности лишился чтения на ночь, сын поведет себя более или менее сносно, не просто похвалите, а подчеркните его совестливое, благородное поведение. Не напоминайте о вчерашнем наказании, а скажите, что умные, взрослые люди – такие, как он – понимают, что нарочно шуметь и будить малышей стыдно. А бывают такие глупые эгоисты, у которых совесть не просыпается ни к десяти, ни даже к пятнадцати годам! И что вы одного такого когда-то знали. Никто с ним не то что дружить, а никаких дел вообще иметь не хотел! Если выбрать такую тактику, то в скором времени уже не вы сыну, а он вам будет напоминать, что когда Лиза спит, шуметь нельзя.

Кстати, о чтении на ночь. Во многих литературных произведениях, в том числе предназначенных для детей, тема совести, греха, покаяния звучит очень отчетливо и проникновенно. Иначе и быть не может, ибо фундамент у русской и европейской культуры христианский. “Звездный мальчик”, “Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями”, “Незнайка”, “Буратино”, “Два брата” Е. Шварца, тот же носовский рассказ “Огурцы” и “Косточка” Л. Толстого, “Черная курица” А. Погорельского дают мамам прекрасную возможность донести до ребенка, как важно жить в ладу со своей совестью. Но надо не только читать, а и обсуждать прочитанное, вместе размышлять, задавать вопросы, не рассчитывая на то, что ребенок и без ваших объяснений все поймет правильно.

А какая богатейшая, поистине неисчерпаемая сокровищница положительных примеров открывается перед православными матерями! Сколько возвышенных, чудесных и в то же время невыдуманных историй, которые трогают не то что детские, а и многие взрослые, огрубевшие сердца! Надо только самим не лениться расширять свой кругозор, а то среди современных родителей есть тенденция не напрягаться, ожидая, пока “компетентные специалисты” предложат им готовый конечный продукт типа списка рекомендуемой литературы, фильмов и т. п.

Огромная помощь исходит и от молитв. Не только в том смысле, что материнская молитва имеет особую силу, “со дна достает”, а и потому, что в тексте молитв за детей четко сказано, что именно надо в детях взращивать, а от чего уберегать. “Даруй мне разум убедить их, что истинная жизнь состо-

ит в соблюдении заповедей Твоих; что труд, укрепляемый благочестием, доставляет в сей жизни безмятежное довольствие и в вечности — неизреченное блаженство <...> Насади в их сердце ужас и отвращение от всякого беззакония <...> Да не порочат Церкви Твоей своим поведением, но да живут по ее предписаниям! Одушеви их охотою к полезному учению и соделай способными на всякое доброе дело! Да приобретут истинное понятие о тех предметах, коих сведения необходимы в их состоянии; да просветятся познаниями, благодетельными для человечества. Господи! Умудри меня напечатлеть неизгладимыми чертами в уме и сердце детей моих опасение содружеств с незнающими страха Твоего, внушить им всемерное удаление от всякого союза с беззаконными. Да не внимают они гнилым беседам, да не слушают людей легкомысленных, да не совратят их с пути Твоего дурные примеры, да не соблазняются они тем, что иногда путь беззаконных благоуспешен в сем мире!” — мамам, внимательно вчитывающимся в текст этой молитвы, которая некогда раздавалась в Казанской Амвросиевской женской пустыни при селе Шамордино, становится понятно, какое образование следует считать хорошим, на какую работу детей нацеливать. Им уже не так-то просто задурить голову тем, что запретами якобы ничего не добьешься и что нельзя делать ребенка белой вороной, оберегая его от помоечной масс-культуры, которой наслаждаются его сверстники. “Мать, рождая дитя, дает миру человека, а потом должна она в нем же дать небу ангела, — писал свт. Иоанн Златоуст. — Нет более высокого искусства, чем искусство воспитания. Живописец и ваятель творит только безжизненную фигуру, а мудрый воспитатель создает живой образ, смотря на который радуется Бог и люди”. Шамординская молитва уточняет, конкретизирует этот образ.

С другой стороны, когда мать приучает детей, молясь перед сном, не просто просить у Бога, чтобы все было хорошо, а вспоминать какие-то свои проступки, она тем самым тоже исподволь пробуждает в детях покаянные чувства. Подрастая, ребенок уже читает утреннее и вечернее правило, молитвы перед Причастием и, в отличие от своих невоцерковленных сверстников, узнает из них, что есть грех, привыкает испытывать свою совесть. “Научайте детей не словам только молитвы, а знакомьте их с состоянием и опытом молитвы, — советовал архиеп. Амвросий Харьковский. — Не делайте молитву слишком краткой, не бойтесь за усталость детей, введите их в труд молитвы, объясняя им науку собирания мыслей и бодренного предстояния ума перед Богом. Молитесь сами при них с горячностью и усердием: теплота вашего сердца сообщится и их сердцам, они узнают утешения, находимые в молитве, и она будет для них отрадой и прибежищем во всех испытаниях и скорбях жизни. Раскройте им науку испытания помыслов и внутренней борьбы с мыслями и склонностями греховными. Расскажите им по мере их возраста историю зарождения греха в едва осознаваемой мысли, его возрастание в волнении чувств и влечениях сердца, его бурные движения в порывах страстей, его крайние обнаружения в делах преступных — и тогда будет для них нечистая мысль так же страшна, как преступное дело. Укажите им нашу немощь в борьбе с грехом и постоянную потребность в помощи Божией. Дайте им опыты внутренней победы над злом силой призывания имени Господня, и тогда они будут отпущены в мир, исполненный нравственных опасностей, с оружием в руках”.

Конечно, все это возможно только при серьезном отношении к вере. Но в детстве это ведь тоже во многом зависит от матери. И далеко не последнюю роль здесь играет именно пробуждение совести, потому что она не позволяет, узнав о Христе, игнорировать Того, кто столько для нас сделал и так за нас пострадал.